

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-422-428

Приложение / Application

Мадина Тлостанова

Какомицли и леди Азема (глава из романа “*Flotsam and Jetsam*”)

‘Tu t’assoiras d’abord un peu loin de moi, comme ça, dans l’herbe.
Je te regarderai du coin de l’oeil et tu ne diras rien.
Le langage est source de malentendus.
Mais, chaque jour, tu pourras t’asseoir un peu plus près...’

Antoine de Saint-Exupéry

Наш Какомицли был особенный, потому что вырос среди людей и был доверчив к нам всем. У него, конечно, были свои любимчики. Но в принципе он давал себя погладить кому угодно, если, у него было хорошее настроение. Матерью Какомицли была настоящая шахтерская кошка, пойманная и прирученная старателями. Но сам он родился в неволе.

Маленький горячий, тот, что пахнет водорослями и ванильным кексом, куда-то бежит. Дай-ка и я за ним. Может, там что-то интересное. Только держаться поодаль, не залезать на него. У него мягкая тонкая кожица, от лап всегда остаются красные следы на щеке. Из кармана пахнет конфетой, но это обман. Я ее уже съел. Давно, еще когда та, высокая, с нее даже больно упасть на землю, если не зацепиться когтем за платье где-то на полпути, та, просоленная морем и просушенная солнцем, угостила меня каким-то странным густым и сладким молоком из круглой и блестящей раковины с зазубренными краями. А потом я еще нашел конфету в кармане маленького. Конфеты больше не находились, остался только запах. А та, высокая отчего-то пахнет амброй, хотя и не кит. И та, что спасла меня, тоже пахла амброй, а потом она стала пахнуть еще каким-то другим кислым запахом и кожа у нее стала шершавая на ощупь. Я хотел ее предупредить, но она не понимала моих знаков.

Когда-то ее звали Шанталь. Неизвестно, почему родители выбрали для нее такое музыкальное имя, но оно ей подошло. Ведь она и в самом деле стала певицей. Шанталь родилась в стране, триста с лишним лет назад подаренной англичанами голландцам в обмен на будущий Нью-Йорк. Она родилась за два года до того ноябрьского дня в середине семидесятых, когда ее страна стала независимой. Только что это значит? Мать отдала ее учиться в хорошую школу, она говорила

по-голландски свободно, без акцента. Но дома все равно звучал сранан-тонго и ей приходилось следить, чтобы один язык не просачивался в другой.

Возле их поселка был рудник. Он был всегда. И когда она была маленькой девочкой, и когда выросла и уехала жить в город. И отец и дед Шанталь работали на этом руднике. И потому семья сводила кое-как концы с концами. Но оба они — и дед и отец — умерли рано от рака.

Через их вечно подтопленный заболоченный поселок, окруженный безжизненными хвостохранилищам отработанной породы, протекала речка, но воду из нее нельзя было пить, хотя все это делали, потому что денег на воду в бутылках все равно не было. Последний самый глубокий колодец в соседнем дворе пришлось заколотить досками, когда Шанталь заканчивала школу, потому что и из него доставали теперь только желтую мутную жидкость, от которой болел живот и мелко дрожали пальцы. В нас вся таблица Менделеева, — шутил уже безнадежно больной дед, обнажая в улыбке свои крапчатые от фторуоза зубы.

Мать Шанталь была из маронов, вернее, дед был мароном, а бабушка индеанкой. Девочка получилась странной — с серыми глазами и оливково-шоколадным личиком, с курчавыми, почти русыми волосами, но голос у нее был божественный уже с самого детства — серебристый, теплый, переливчатый — и в песнях, и в ласковых словах. За это ее и взяли на работу в «Папагайо» — ночной клуб Стива — единственное увеселительное заведение на всем западном побережье.

Шанталь пела этно-джаз и выбиравшиеся на двухнедельный отдых в свою все еще колонию голландцы балдели от ее бархатного контральто, стройной фигурки и чудесных стальных глаз. Потом появился Ван дер Беерг и вскоре поселил ее в своем доме. Мать ворчала: «Ну вот, и ты продалась белому!» Но особенно не возражала, потому что дочь исправно посылала ей деньги, а жить огородом становилось все сложнее, потому что на отравленных бокситовой добычей почвах ничего не росло.

Шанталь только смеялась. Ван дер Беерг был щедр, да и не так уж стар. Он покупал ей яркие платья из набивного сатина и серебряные побрякушки с яркосиним ларимаром. В темной спальне с вечно задраенными ореховыми жалюзи странные стальные крючья торчали прямо из стены в изголовье кровати. И ей пришлось узнать об их предназначении не сразу.

Вставали они поздно и разнеженно бродили по дому, пока служанка Долорес собирала завтрак — неизменная яичница, нарезанная кусочками папайя, йогурт, сок маракуйи и несколько кофейников ароматного кофе. Потом Ван дер Беерг уходил в свой офис продавать землю и недвижимость богатым голландцам и швейцарцам, а Шанталь, покормив старушку Гизелу — ручную шахтерскую кошку, неспешно отправлялась в «Папагайо», который днем выполнял функции местного кафе, почты, интернет-центра и еще бог знает чего. Над его вечно открытыми дверями красовалась грубо сколоченная вывеска с изображением алого попугая ара. Но в темных и затхлых недрах клуба ее ждали пианист Бобби и ударник МакКей. И начинались бесконечные репетиции, которые все они любили гораздо больше, чем выступления перед публикой по ночам. Потому что на репетиции можно было все, и гений импровизации уносил их прочь от убогой реальности этого туристического патентованного рая.

После репетиции Шанталь отправлялась погулять по городу, присмотреть себе новую побрякушку или сарафан, и купить продукты к обеду. Собственно, это был никакой и не город, а так, короткая улочка с глубокими зловонными канавами по обеим сторонам. Она начиналась песчаной площадью с неизменными банком, обшарпанной гостиницей Гранд Палас, где лишь недавно в номерах появились уборные, и белой нарядной барочной церковью, а с другой стороны упиралась прямо в море.

Иногда Шанталь отправлялась в новый супермакет, что построили за городом, неподалеку от огромной фабрики. Никто точно не знал, что делали на этой фабрике, но все мечтали получить там работу, потому что никакой другой работы кроме обслуживания туристов все равно не было. Идти надо было пешком через лес, километров шесть. Тропинка петляла в густых влажных мангровых зарослях и по вечерам над ней низко кружили летучие мыши, норовя вцепиться в волосы. Ей казалось, что за каждым кустом прячется злой дух или лесное чудовище. Поэтому Шанталь старалась уговорить соседа Маркоса подвести ее на мотоцикле. С нее он денег не брал, ведь девушка тайком пускала его бесплатно в «Папагайо» послушать музыку и пропустить стаканчик.

Они проносились мимо невыносимо смердящих окраин с картонными домиками, гордо увенчанными спутниковыми тарелками, и вечно переполненными помойками. Окна без стекол стыдливо прикрывали дощатые ставни из поломанных ящиков. Потом окраины сменялись районами для белых — искусственным раем дорогой недвижимостью, огороженным колючей проволокой, чтобы ни в коем случае не допустить сюда жителей картонных лачуг. Только в качестве прислуги или быстро надоедающих сексуальных игрушек.

Шанталь набирала побольше продуктов, несколько канистр с питьевой водой, а у входа ее уже поджидал шестилетний Тео. С серьезным видом мальчик забирал у нее покупки и тащил их до самого дома. Правда, пару раз они останаливались отдохнуть и тогда Шанталь угощала его шоколадом или чипсами. А когда Тео победно водружал последнюю бутылку на пороге дома Ван де Беерга, она протягивала ему обещанные десять центов и наблюдала, как расплывалось в улыбке обветренное мальчишеское лицо.

Однажды на фабрике что-то случилось. Никто точно не знал, что именно. В газетах и на телевидении ничего не сообщали. Рабочих отпустили в бессрочный отпуск и приказали молчать под страхом увольнения. Ван дер Беерг тщательно скрывал от своих богатых клиентов сведения об аварии. Ведь тогда они бы не купили баснословно дорогую недвижимость в этом тропическом раю. Но через несколько дней скрывать произошедшее стало невозможно. Местные морги были переполнены. Люди собирались и судачили на перекрестках, в кафе. Полиция их разгоняла. Но они снова приходили и обменивались скудными сведениями. Стояла душлимая жара и в воздухе висел странный незнакомый запах. Листва на деревьях почернела и опала.

В городке смолкли даже обычно крикливые яркие арасари и ары. А потом из соседнего леса стали приходиться больные звери — тапиры, муравьеды, обезьяны. У них были обожженные, покрытые язвами носы и языки, мутные глаза. Казалось, что животные пьяны или находятся в наркотическом бреду. Шанталь старалась

им помочь как могла, но большая часть все равно умерла и к телам в моргах добавились невостребованные тела на дорогах и во дворах.

Примерно в это же время исчезла Гизела. Ван дер Беерг, впрочем, не волновался. Он только сказал, что она убежала по зову плоти. И в самом деле через некоторое время кошка вернулась беременной и через пару месяцев родила всего одного детеныша — Какомицли. Так его окрестила Шанталь. Хотя настоящая мать и старалась воспитывать котенка по всем правилам, он все равно с первого дня привязался к Шанталь и считал именно ее своей родней. Когда она была еще далеко от дома, он слышал ее певучий голос и чувствовал ее грушевый запах. Какомицли мчался навстречу Шанталь, бился в деревянную дверь, и когда она, наконец, открывалась, с размаху запрыгивал ей на руки и карабкался вверх, обнимая ее за шею лапами и прижимаясь всем телом. Он укладывал свою голову ей на плечо, закрывал глаза и затихал в блаженной истоме, и сердца их бились в унисон.

— Вот оно счастье! — смеялся Ван дер Беерг.

Какомицли первым понял, что Шанталь заболела. Она стала по-другому пахнуть. Девушка еще и сама не понимала, что происходит, а преданный зверек уже пытался ей рассказать об опасности. Но увы, они не понимали языков друг друга. Да и спасти Шанталь не смог бы никто. Даже любовь Какомицли. Она поняла, что заболела только когда симптомы стали заметны и ее некогда шелковистая, нежная, смуглая кожа стала превращаться в грубую, неровную роговую чешую. А пальцы на ногах и руках искривились и хищно загнулись. Вдобавок она стала стремительно полнеть.

— Гиперплазия, — вынесла свой вердикт Мия, когда-то проучившаяся три курса на медицинском факультете местного университета. Тебе надо в центральный госпиталь. Там есть специалист по этой болезни. В нашей стране таких случаев в десятки раз больше, чем в других местах. Он пытается понять почему.

Но Шанталь казалось, что причина ее недуга в другом. И окружающие только спешили ее уверить в этом. Соседи Ван дер Беерга — европейцы всегда косо поглядывали на Шанталь и, не слишком скрываясь, называли ее проституткой. Теперь же местные кумушки судачили: «Все правильно! Это кара господня». Очень скоро Ван дер Беерг выставил Шанталь за дверь с чемоданом бесполезных платьев, в которые она больше не влезала, и выходным пособием в сто долларов. Когда она исчезла, Какомицли очень скучал. Он долго искал ее по всем комнатам и от грусти и расстройства сгрыз какой-то толстый кабель в гостиной, вызвав короткое замыкание. Да еще и пометил туфли хозяина, за что и был изгнан с позором.

А Шанталь вскоре оказалась в пригородном поселке на Улице Роз, где вместо роз были веревки для сушки белья и канистры с керосином. Соседи и здесь сторонились Шанталь. Впрочем, так ее больше никто не называл. Все забыли ее красивое певучее имя и стали дразнить ее Аземой — сначала за глаза, а потом и не таясь.

— Вот будешь себя плохо вести, Азема с Улицы Роз тебя заберет и выпьет твою кровь, — пугали мамыши своих детей.

Поселковые старушки всем желающим продавали сушеные травы, от которых кровь становилась горькой и невкусной для Аземы. Дети постарше подглядыва-

ли в щели домика Шанталь, надеясь увидеть, где Азема прячет свою кожу, превращаясь в светящийся шар по ночам. Они мечтали украсть эту шкуру, чтобы посыпать перцем и лишить Азему возможности вернуться в человеческий облик.

— Почему вы хотите убить меня? Что плохого я вам сделала? — спрашивала Шанталь, но не получала ответа. Очень скоро Стив выгнал ее с работы. Клиентам был неприятен ее вид, хотя голос оставался прежним. Голос — последнее, что отняла у нее болезнь.

Они все пахнут по-разному. Высокая пахнет терпкой теплотой, малыши пахнет ванильным кексом и водорослями, а то бледное существо пахнет едкой травой и немного бергамотом. Один из них не пахнет совсем и тем пугает. И потрогать его нельзя. Лапа проходит сквозь. А другой и вовсе пахнет электричеством и кислотой перегоревшей микросхемы. Я знаю, так пахла серая коробка с горящим оконцем в доме у толстого, у которого жила мама, а потом и я. От него пахло табаком. Он всегда кашлял. От коробки отходила какая-то веревка. Она была воткнута прямо в стену. Тугая розовая веревка, кислая на вкус. Я ее почти сгрыз, когда меня шарахнуло чем-то со всей силы так, что из глаз посыпались искры. А коробка перестала светиться и задымилась. Толстяк схватил меня и вышвырнул на улицу.

Очнулся в канаве. Ноющая боль. Шкурка на брюшке окрасилась кровью. Лапы сводит на сыром ветру. Одна, кажется, сломана. Что-то зловонное беспрерывно льется сверху. И живот подводит от голода. Глаза закрываются, нет сил, хочется спать. А может это конец? Уснуть и не просыпаться. Но чьи-то острые зубы и беспощадные когти вгрызаются в нежное ухо. Вскликаю и начинаю защищаться. И снова, и снова, и снова. Когти и зубы, чтобы выжить, чтобы добыть немного смердящей еды из контейнера, чтобы укрыться от непрекращающегося дождя. А потом все разом кончилось. Шершавая рука осторожно обхватила меня, подняла и приласкала. От нее пахло болезнью. Но ее собственный грушевый запах и чудесный голос все еще были слышны. Я узнал ее.

В тот день Азема шла от доктора Витцеля. У него были холодные руки и сухие шершавые пальцы, потому что он все время их мыл. Но ее собственная обезображенная кожа уже не ощущала этих грубых медицинских прикосновений.

— Юная леди! — начал он, сверившись с ее историей болезни.

Но Азема опередила его: «Это что, издевка? Доктор, не надо формальностей! Просто скажите, что со мной? Я умираю? Это неизлечимо?»

Витцель посмотрел на нее из-под очков, выдохнул и сказал:

— Вы не умрете, вернее, это произойдет не так уж скоро. Но науке, увы, не известны средства лечения вашей болезни.

— Но я не хочу жить такой! Это не жизнь!

— Я понимаю.

— Да ничего вы не понимаете! Попробуйте выйти на улицу в таком виде и послушайте, как вам вслед станут кричать: «Азема!»

— Я вам очень сочувствую, поверьте!

— Скажите, доктор, а может ли это быть карой за мои грехи?

— Я не священник, моя дорогая! Я всего лишь дерматолог. Да и нормальной лаборатории у нас нет. Но вероятнее всего, ваше заболевание вызвано комплексом причин.

— Доктор, я не понимаю, каким комплексом?
— Ваш отец или дед работали на рудниках?
— Да! Их уже нет в живых.
— А росли вы в поселке возле шахты?
— Да, пока не уехала в город, когда мне было 18.
— А все это началось после выброса на фабрике?
— Наверное, я не знаю точно, ведь про это нельзя было ничего узнать толком.
— Ну так вот что я вам скажу! У вас, вероятно, уже было генетическое отклонение, мутация, знаете ли! К тому же вы постоянно подвергались воздействию солей тяжелых металлов в зашкаливающих дозах.

— Тяжелых металлов? А что это?
— Как видно, в вашем пансионе при монастыре не преподавали физику и химию?
— Нет. Только гуманитарные науки и еще основы арифметики.
— Это медь, цинк, свинец, марганец, кадмий, а в наших копиях еще и бериллий, ртуть и даже мышьяк.

А потом еще добавился фтор из отравленной речки и почвы. Вы ведь живете неподалеку от фабрики?

— И ничего нельзя сделать?
— Боюсь, что так.

Шанталь медленно брела домой, выбирая окраинные улицы, чтобы поменьше встречаться с людьми. Но в конце пути ей пришлось пересечь главный проспект, и тут-то на углу улицы Эразма Роттердамского она и увидела умирающего Какомицли. Она принесла его в картонный домик на Улице Цветов.

— Кто это у тебя, Шанталь? — спросил Маркос, теперь ее ближайший сосед и единственный, кто остался ей верен. Он даже отвлекся на минутку от своего любимого занятия — перебирания двигателя старого Чампса, исправно кормившего его все эти годы. Поскольку в городке было всего одно такси, Маркос бомбил на площади, развозя за доллар подвыпивших туристов по гостиницам.

— Это Какомицли. И как он здесь оказался, бедняжка? Смотри какой худой!

— Ну так, он же жил у людей, — хмыкнул Маркос, неодобрительно оглядывая дрожащее жалкое существо. — Вот и не умеет охотиться. Скорее всего, шарился по помойкам. Но тут у него много конкурентов.

Шанталь увидела, что у зверька было оторвано ухо. Наверное, подрался с кем-то. Она обработала раны и накормила его кукурузной кашей с тушенкой. И Какомицли согрелся и уснул у нее на коленях. Так они и стали жить вместе. И казалось, что все еще может быть хорошо. Шанталь понимала, что ее не возьмут работать даже на макиладору. А банановые плантации не нуждались в рабочей силе, потому что и так были переполнены желающими заработать гроши. И тут совершенно случайно она наткнулась на объявление в газете: Ищем женщин с приятным голосом и отличным знанием голландского языка.

Волшебный голос в очередной раз спас Шанталь. Это была телефонная компания, оказывавшая сексуальные услуги дистанционно. Сегодня множество фирм используют труд телефонных операторов в других странах. Ведь международные звонки дешевле их труда. Вы звоните заказать такси в Швеции, не зная, что от-

вечает вам эстонка из Йыхви. Клиенты Шанталь тоже не знали, что звонят в Центральную Америку. Ведь набирали они амстердамский номер. Она была очень довольна новой работой. Сидеть в чистом офисе, ворковать с клиентами, а не вкалывать на вредном производстве, и иметь несколько перерывов за ночь — было неслыханным счастьем.

Постепенно их жизнь с Какомицли вошла в свою колею. Они даже были счастливы. Шанталь научилась не обращать внимания на травлю соседей. Ведь у нее была любовь преданного зверька, скрашивавшая остаток дней, опущенных болезнью. Именно тогда она получила кукурузный конверт, в котором скрывалась надежда на выздоровление.

Экспериментальная больница! Флотсам и джетсам! Им нужны десять добровольцев, чтобы опробовать новый метод. Я приглашена бесплатно! Ты слышишь? Мы едем на остров!

Какомицли не разделял ее восторга. Он с тревогой ощупывал ее лицо маленькими лапками и нервно принюхивался к странному запаху обезображенной кожи. Но объяснить ей, почему не надо ехать на остров обломков, он не смог. Так они и оказались в самолете компании «Джими Джимирино».

Амстердам, 2014, Линчэпинг, 2019.